

Ольга Погодина-Кузмина

Пьеса в 2-х действиях

2016

Ольга Погодина-Кузмина
Председатели земного шара

«Ольга Погодина-Кузмина»

2015

Погодина-Кузмина О.

Председатели земного шара / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина», 2015

«Позвольте, я прочту вам свой доклад! Для вас искусство – глупая заграничная кухарка, раздобревшая от кухонного жара, обожающая парикмахера из соседнего переулка. Так знайте, она расстреляна! Ее дебелое тело погибло. Она могла лишь жеманиться, готовя блюда гурманам. Мы, строители жизни, несем вам новую красоту – из стали и железобетона!..» Пьеса в 2-х актах, текст в авторской редакции.

Содержание

Акт первый	5
Диспут первый. О новом искусстве	6
Диспут второй. Лилит	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Погодина-Кузмина

Председатели земного шара

Акт первый

Действующие лица:

Маяковский

Хлебников

Мария

Лилит

Корректор

Диспут первый. О новом искусстве

Входит Мария.

Мария. Уважаемый консилиум! Дамы и господа! Несмотря на многократные предупреждения, автор пьесы отказался исключить любовные сцены, тему самоубийства, критику руководящих лиц и прочие сомнительные места. В пьесе нет сюжета, персонажи не вызывают сочувствия, любое сходство с реальностью является случайным. Администрация не несет ответственности за идейное содержание спектакля.

Входит Корректор, в руках у него страницы доклада. За ним торопливо идет Мария с блокнотом.

Корректор. Мария, все готово? Начнем. (*Диктует*) Изучение пациентов с так называемым творческим типом мышления обнаруживает характерную закономерность. Систематические занятия искусством провоцируют нездоровую свободу мыслительных процессов, социопатию и мизантропию, а также другие деструктивные процессы...

Выходит Маяковский, выхватывает у Корректора листки, рвет их.

Маяковский. Позвольте, я прочту вам свой доклад! Для вас искусство – глупая заграничная кухарка, раздобревшая от кухонного жара, обожающая парикмахера из соседнего переулка. Так знайте, она расстреляна! Ее дебелое тело погибло. Она могла лишь жеманиться, готовя блюда гурманам. Мы, строители жизни, несем вам новую красоту – из стали и железобетона!

Маяковский.

Мы,
Каторжане города – лепрозория,
Где золото и грязь изъязвили проказу,
Мы чище венецианского лазорья,
Морями и солнцами омытого сразу.
Плевать, что нет у Гомеров и Овидиев
Людей, как мы —
От копоты в оспе.
Я знаю,
Солнце б померкло, увидев
Наших душ золотые россыпи.
Жилы и мускулы просьб верней.
Нам ли вымаливать милостей времени?
Мы каждый держим в своей пятерне
Миров приводные ремни.

Корректор пожимает плечами.

Корректор. Я давно заметил, что борьба за всемирную справедливость начинается с личных обид.

Маяковский. Хватит рассуждений! Говорите по делу. Про стихи.

Корректор. Любопытные опыты, не слишком удачные эксперименты в области словесного творчества – да, может быть. Но ведь вы претендуете на высокое звание творцов, трибунов. Желаете встать рядом с Пушкиным.

Маяковский. Пушкин сам бы хотел, чтоб рядом с ним стояли поэты, а не фармацевты. Да ему пора бы и подвинуться на своем пьедестале! Пусть дает место живым!

Корректор. А что на это скажет почтенная публика?

Маяковский. Ваша ученая публика – не знаю! А школьники, студенты, рабочая молодежь – все они наши. Им осточертела нудная, проеденная молью классика! Скучно изучать давно ушедший быт, когда вокруг происходит так много интересного!

Корректор (*в зал*). Вы тоже так думаете? А вы? Да? Нет? (*Марии.*) А вы что скажете, Мария?

Мария выходит вперед. В руках ее белые цветы.

Мария. Никого больше не помню... Маяковский вышел на эстраду – в желтой кофте. С нагловатым, как мне показалось, лицом – и стал читать. Никого больше не помню, хотя, наверно, был и Бурлюк, и Крученых. Мне уж никто не был нужен, никто не интересен. Мы пили какое-то вино, он читал стихи. О чем мы говорили – не помню. Вышла на темную, пустую площадь. Куда идти? Мост разведен. Темно, пустынно. Никого больше не помню...

Вбегает Маяковский.

Маяковский. Я вас провожу! Едем к Хлебникову – хотите?

Мария. Но ведь он спит!

Маяковский. Это ничего.

Мария и Маяковский идут по ночному Петербургу.

Мария. Вы там читали о войне... Расстрелянной поэзии. Неужели вам правда это нравится – ужас, смерть, разрушение?

Маяковский. Поймите, ведь это мы, десяток мечтателей, какой-то дьявольской интуицией провидели катастрофу. Я в моей трагедии дал бунт вещей. Хлебников черным по белому пропечатал, что в 1915 году люди пойдут войною и будут свидетелями краха государств. Мы одни кричали, что прежний мир – это бессмысленный завтрак на подожженном пороховом погребе! А нам отовсюду советуют: "О розах надо писать, о соловьях, о звездах». Мол, Брюсова б почитали...

Мария. Брюсов очень хороший.

Маяковский. Да поймите, сейчас нужна другая речь! Ударная, сжатая. Ведь нельзя же, да и времени нет, подвозить к окопам сегодняшнюю, всю состоящую из взрывов, жизнь – в долгих, унылых строфах.

Мария. Мне нравятся ваши стихи... Но все равно, я не понимаю. Футуристы – что это, зачем?

Маяковский. Красный плащ тореадора нужен для быков. Наша главная идея, весь смысл нашей манифестации в одном: "Всякое творчество свободно". Вы приходите к нам на диспут!

Мария. Приду.

Маяковский смотрит на Марию.

Маяковский. Почему вы так меняетесь? Утром были уродом, а сейчас – такая красивая... Про вас никак нельзя подумать, что вы – актриса. Вы – не ломака.

Мария. Не любите актрис?

Маяковский. Нет. Помню, был в Художественном театре, смотрел «У жизни в лапах». Больше всего понравился диван с подушками. Я мечтал, что у меня будет квартира с таким диваном.

Мария (с улыбкой). Но это же мещанство.

Маяковский. Я?! Мещанин?! Эх, товарищ девушка!.. Да за эдакие слова можно и!..

Мария отшатывается, хочет уйти, Маяковский удерживает.

Маяковский. Простите... Никогда не могу найти с женщинами верный тон. Говорю в полный голос – меня пугают. Мурлыкать не умею... Петь романсы, вроде Есенина, и недавно. Возьмите меня в плен. Или как пираты – на abordаж. Хотите, я прямо сейчас придумаю стихи и посвящу их вам! О чем?.. Заказывайте!

Мария (смеется). Про диван с подушками?

Маяковский. Бросьте издеваться!

Мария. А вам самому про что хочется?

Маяковский. Мне?.. Честно? Мне вас хочется поцеловать.

Маяковский обнимает Марию. Она отступает, спотыкается о стулья. Спящий на стульях Хлебников просыпается.

Хлебников. Что? Кто там?..

Маяковский. Это мы!

Хлебников вскакивает спросонья. Видит Марию, приглаживает волосы, застегивает рубаху.

Хлебников. А, это ты, Володя?.. Я, кажется, уснул. Видишь ли, я все время думаю о действии будущего на прошлое. Звезды разбудили во мне халдеянина.

Маяковский поднимает разбросанные по полу листки.

Маяковский. Стихи?

Хлебников. Это я записывал свои мгновенные мысли. Послушай. Средний удар мужского сердца в 60 толчков в минуту. В часе 60 минут. Значит, примерно 360 ударов в час. В году 365 дней. Есть гамма в музыке, и есть гамма времени. Эта гамма строит в один звукоряд войны, года, сутки, шаги...

Маяковский (обрывает его). Это Мария. Дашь нам чаю?

Хлебников. Там стаканы. Простите. Сахару нет. Чаю тоже, кажется, нет.

Хлебников ставит перед Марией стул, она садится.

Мария. Значит, вы тоже – поэт?

Маяковский. Он не просто поэт, он – пророк! Колумб новых поэтических материков! Он взял себе новое имя, чтобы научить людей земного шара своим открытиям. Велимир.

Мария. Но вы ведь тоже – Влади-мир.

Маяковский. Точно! Он приказывает, я – владею. Мы – Председатели земного шара.

Мария (*смеется*). Земной шар слушается ваших приказов?

Маяковский. Непременно послушается!

Хлебников. Володя, я думаю нужно создать общий язык. Понятный для всех народов населенной человечеством звезды...

Маяковский обнимает Хлебникова.

Маяковский. Хлебников, брат! Мы создадим такой язык! С нами – будущее. Рог времени трубит нами в словесном искусстве! Мы несем миру свободу творить слова из слов. (*Протягивает руку Марии.*) Вы с нами, Мария?

Мария. Я... Да!

Маяковский. Хлебников, пиши!

Хлебников. Слушайте.

Мы, Председатели Земного Шара,
от имени всего человечества
Обращаемся с переговорами
К государствам прошлого:
Если вы, о государства, прекрасны,
Как вы любите сами о себе рассказывать
То зачем эта пища богов?
Зачем мы, люди, трещим у вас на челюстях
Между клыками и коренными зубами...

Мария развешивает по стенам футуристические плакаты. Принесит желтые кофты, раздает Маяковскому и Хлебникову, надевает сама.

Маяковский. Художники, поэты, артисты!

Хлебников. Друзья! Будетляне!.. К вам обращается новое Правительство земного шара!

Маяковский. У искусства есть задачи выше, чем выбор ликеров по преysкурантам Северянина!

Хлебников. Законы быта да сменяются уравнениями рока!

Маяковский. Конечно, каждому приятно в розовенькой квартирке пудрой Бальмонта надушить дочку. Заучить пару стихов Брюсова для разговора после обеда. Иметь жену с подведенными глазами, светящимися грустью Ахматовой. Но кто поймет и полюбит меня, неуклюжего, как дредноут? Орущего, как ободранный шрапнелью!?!... Вы? Вы?

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
Где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей...
Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоголавая вошь.
Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,

я – бесценных слов мот и транжир.

Корректор делает шаг вперед.

Корректор. А теперь позвольте мне, докладчику, авторитету в экспертных кругах... выразить мое скромное мнение. (*Пауза.*) Сюжетца нет у вас, господа! А где нет сюжета, там нет ни смысла, ни пользы. Надо писать с натуры, изображать правду жизни... А у вас – учебник геометрии, а не стихи.

Мария. Поймите, они же гении! Маяковский – гений!.. Хлебников – гений! И Есенин тоже! Наверное...

Маяковский. Новое искусство идет на смену академикам! Наши гимны честней и громче ваших похоронных маршей! Больше издевательства над мещанской, буржуазной сволочью!..

Внезапно Маяковский выхватывает браунинг. Он прицеливается в Корректора, стреляет, но попадает в Марию. Мария вскрикивает, падает. Хлебников подхватывает Марию, опускает на пол, гладит ее лицо.

Корректор. Это Поэзия? Что с ней?

Хлебников. Мне кажется, она умирает...

Корректор. Маяковский убил Поэзию. Вызывайте полицию!

Хлебников. Пойдите, она жива! Я понял... Поэзия бессмертна!

Маяковский поднимает Марию. Смотрит в зал как в зеркало.

Маяковский (*в зал*). Красивый я, правда?

Мария. Красивый...

Маяковский. Правда, голос хороший?

Мария. Хороший....

Маяковский. Красивые мы. У нас будет не похоже на других.

Маяковский целует Марию.

Диспут второй. Лилит

Корректор рассматривает футуристические плакаты и рисунки на стенах. Входит Лилит в экстравагантном платье. Она встает рядом, тоже с интересом рассматривает плакаты. Корректор обнимает Лилит.

Корректор. Такая живопись хороша в оформлении интерьеров. Картину можно повесить боком, или вверх ногами. Никто не заметит разницы.

Лилит. Котинька, а ведь это интересно. Ново, свежо... Это войдет в моду, поверь.

Корректор. Тебе в самом деле нравится? (*Целует Лилит.*) Ты не женщина, ты – исключение!

Лилит. Ты сказал, будут гости?

Корректор. Да, новые поэты и художники.

Входят, толкаясь в дверях, Хлебников, Мария, Маяковский. Лилит встречает гостей.

Мария. Знатный был диспут!

Маяковский. Задали жару! Плюнули в глаза этой сытой сволочи!

Корректор. Господа, прошу вас, не все сразу... Проходите по одному. Вытирайте ноги.

Мария. Смотрите, перед вами – один из самых страшных футуристов! (*Представляет*). Маяковский! Знаменитый поэт!

Лилит. Знаменитый? Что же мы о нем ничего не знаем?

Мария. Вот увидите! Он будет знаменит на весь мир! Слышите, Маяковский? Вы должны непременно прославиться, иначе поставите меня в самое глупое положение!

Маяковский. Да что я... (*Выталкивает вперед Хлебникова.*) Вот он – рыцарь нового слова!

Железуют играет в бубен,
Надел на пальцы шумы пушек...

Можно ли лучше сказать о войне?

Корректор. Да, это недурно. Как ваше имя... Давид? Василий? Виктор?..

Хлебников. Велимир.

Корректор. Вы тоже футурист?

Хлебников. Футурист по-русски – будетлянин. Мы раньше итальянцев заявили, что хотим строить будущее магической силой слов.

Маяковский. Наша поэзия – это вам не розы, грезы, туберозы, а ядреный лапоть! Мы пришли, чтобы вытряхнуть человека из обывательского мирка!

Корректор. Но если мы не хотим вытряхиваться из нашего мирка? Если нам здесь тепло и удобно? Господа мои, человек всегда одинаков, в какую одежду его не ряди. Ему не нужно новое. Человеку нужны покой, сытость, красота. Да, да, и розы, и грезы... (*Маяковскому*). Впрочем, ваша живопись нам нравится. Я даже готов купить что-нибудь недорогое, в масле.

Маяковский. Купите банку сардин!

Лилит несет на подносе фарфоровый чайник, чашки, варенье.

Лилит. Прошу вас, господа. Чай!

Хлебников. Мы непонятны лишь потому, что человечество все еще зелень, трава, но не цвет на таинственном стебле.

Корректор. Но в чем ваши идеи? Я не понимаю. Я читаю Толстого, Достоевского. Пушкина, наконец – и вижу красоту, вижу смысл. А что у вас?

Хлебников. Но вы прочтите снова... Все они, все писатели прошлого единогласны, что русская жизнь есть ужас.

Корректор. В этом сила критического реализма.

Хлебников. К чему приложена эта сила? Писатели уличают: дворянство, купцов, чиновников, крестьян, сапожников... Самих писателей. Нужно понимать, чем занималась и сейчас занимается русская литература.

Лилит. Боже мой, ну разьясните!

Корректор. Это известно. Русские писатели проповедуют истину.

Хлебников. Нет. (*Заговорщицким тоном.*) Они проклинают! Прошлое, настоящее и будущее.

Корректор. Любопытно понять ход ваших рассуждений.

Лилит наливает чаю Хлебникову, дает ему чашку, он не берет. Зато Маяковский берет, с удовольствием пьет чай.

Хлебников (*сбивчиво*). Есть литература, а есть народная песнь... Песни славят военный подвиг, писатели понимают войну как бесцельную бойню. И так везде... Не есть ли это спор Мораны и Весны? Народ славит богиню жизни Весну, а русский писатель Морану, духа смерти? Литература говорит нам на разные лады: «Жизнь не стоит, чтоб жить».

Маяковский. А мы, новые поэты, считаем, что только жизнь чего-то стоит! Надоело читать и слушать нытье!

Лилит. И в самом деле, в последнее время ничего не хочется читать... Все не то, не так, не про то. Но почему вы ходите в желтой кофте? Вам это совсем не идет.

Маяковский (*смущен*). Вы будете смеяться. В семье не было денег, и костюмов у меня не было никогда. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. И вот я купил два метра желтого полотна...

Лилит. Хотите, я займусь вашим костюмом? Только обещайте слушаться меня. Ну, расскажите о себе...

Лилит заводит патефон, берет Маяковского за руку, учит модному танцу. Хлебников приглашает на танец Марию, которая все время оборачивается на Маяковского. Корректор смотрит на танцующих.

Хлебников (*Марии*). Я родился в стане монгольских кочевников, в степи, где место встречи Волги и Каспия, древнего моря. Жил все у воды... Стихами я вычисляю историю. Через законы быта я хочу прорубить окно в звезды.

Мария. Ваши стихи мне кажутся странными. Там ничего не понять.

Лилит танцует с Маяковским.

Маяковский. Родился в Грузии, после смерти отца переехали в Москву. Жили бедно – я, мать и две сестры. Поступил в Училище живописи... Там встретил Ларионова, Машкова, Бурлюка. Так появился российский футуризм. Вам интересно?

Лилит. Ну конечно, дорогой Володя!

Корректор отбивает Марию у Хлебникова. Кружит ее в быстром танце.

Корректор. Обратите внимание, какое несоответствие фигуры у Володи: он такой большой – на коротких ногах. Вас не пугает, что он такой крупный... нелепый... Эта его шумливость? Его стихи?

Мария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.